

РИНА БРАЙЕР

СЕДЬМАЯ
ДОЧЬ
МОРРИГАН

18+

Рина Брайер

Седьмая дочь Морриган

<https://litres.ru/74059584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твоё присутствие приносит удачу, но любовь к тебе дарит смерть?

Меня зовут Анна ОШейр. Пятнадцать лет меня учили быть Музой — той, чья кровь приносит процветание. Десять лет служения по контракту, а потом свобода. Так обещают всем воспитанницам. И я верила.

Мне выбрали Киллиана Доннелли. Пресса зовёт его Каменным Лордом, потому что он никогда не улыбается. Его род проклят: мужчины его крови не чувствуют ни радости, ни гнева, ни страха. Совет директоров три года убеждал его заключить контракт с Музой, чтобы удача наконец повернулась к компании лицом. Он согласился.

Ни он, ни я не знали правды. Я седьмая дочь. Проклятие Морриган спит в моей крови. Тот, кто полюбит меня, получит год невозможного везения, но умрёт в полночь триста шестьдесят пятого дня.

Академия знала. Мой контракт — не честь, а оружие. Киллиан — не Бенефициар, а жертва.

Теперь у нас есть год, чтобы понять, можно ли обмануть судьбу. Или наша любовь стоит того, чтобы умереть?

Содержание

Глава 1. Тёплый металл	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рина Брайер

Седьмая дочь Морриган

Глава 1. Тёплый металл

Белое платье приносят на рассвете.

Я давно не сплю. Просто лежу в серой предрассветной мгле, стараясь согреть озябшие пальцы, и слушаю, как просыпается Академия: первые шаги в коридорах, далёкий звон колокольчика, приглушённый женский смех из соседних комнат. Воспитанницам не положено смеяться до завтрака. Особенно сегодня.

Дверь скрипит совсем тихо. Я не поворачиваю головы, только перевожу взгляд, и в серой щели вижу рыжеватое пятно фонаря, а потом и Лиссу целиком. Она часто прибегает ко мне до завтрака, нарушая три устава разом.

— Ты не спишь, — выдыхает она скорее утвердительно и бесшумно скользит внутрь.

Я чутьдвигаюсь на подушке. Лисса присаживается на край постели, вглядывается в моё лицо, точно ищет на нём следы чего-то, что должно было проступить к утру этого дня. Потом быстро, почти суетливо, достаёт из рукава ночной сорочки что-то маленькое.

— С днём рождения. Только ты спрячь сразу, ладно? Надзирательница сегодня с самого рассвета злая.

Она разжимает ладонь. На её белой коже лежит простая серебряная заколка в виде ласточки с расправленными крыльями. Старая вещь, с едва заметной царапиной на брюшке. Лисса перехватывает мой взгляд и смущается:

— Это бабушкина... Она говорила, что ласточки всегда возвращаются домой.

Она не договаривает, но мне и так ясно, что «домой» — это не про Академию. Я сжимаю заколку в кулаке, чувствуя холод металла и тепло Лиссиной руки. Я хочу сказать спасибо, но в горле стоит ком предрассветной тишины.

Лисса быстро оглядывается по сторонам и её губы вздрагивают.

— Мне нельзя тут, — шепчет она. — Ты держись, слышишь?

Она быстро выскальзывает обратно к двери и в проёме с размаху налетает на кого-то. Слышен сдавленный вскрик, короткая возня, а после в комнату, покачиваясь и судорожно поправляя большую коробку у груди, заходит девочка. Она зажмуривается, потом открывает глаза и выпаливает заученное:

— Прости, мне просто велели принести... вот...

Она ставит на стул у двери белую коробку, перевязанную шёлковой лентой цвета слоновой кости, и на секунду замирает.

— Анна, — тихо произносит она, — Можно мне... посмотреть?

Я киваю, откидываю одеяло и сажусь на кровати. Девочка робко улыбается и приоткрывает крышку.

— Какое красивое, — шепчет она, не поднимая на меня глаз. — Когда-нибудь и у меня будет такое... Жаль, что ещё долго ждать.

— Ты же знаешь, что наша кровь пробуждается позже, — улыбаюсь я.

— Так долго ждать, — смущённо говорит она, теребя край своей серой формы. — Я бы хотела приносить удачу уже сейчас.

— Не переживай, — киваю я, — Ты будешь самой очаровательной Музой в своё время.

Девочка осторожно касается платья кончиком пальца, но тут же отдёргивает руку и исчезает. Я чуть заметно усмехаюсь. Ей, наверное, лет одиннадцать. Её Бенефициара выбрали в прошлом году. Я не знаю, что именно происходило в кабинете Совета. Они проверяли искру? Брали кровь? Просто заставляли стоять и молчать, пока взрослые мужчины обсуждали её потенциал, словно она породистая лошадь? Никто из тех, кто был там, не рассказывал. Но влажные глаза и дрожащие губы были одинаковыми у всех.

Я нервно сглатываю и смотрю на коробку, теребя пальцы. Мне почти двадцать один, и только сегодня Академия наконец решила, кто станет моим Бенефициаром.

Эта мысль наверное должна отдавать горечью, но я выдрессировала себя лучше, чем любой из кураторов мог бы мечтать. Вместо этого в моей душе лишь любопытство и предвкушение. Пятнадцать лет обучения, и вот он, финальный экзамен: стать идеальной Музой для человека, которого я ни разу не видела.

Я неспешно поднимаюсь и ступаю босыми ногами по ледяному, как и всегда в это время года, паркету. Отопление в Академии включают строго по календарю, а октябрь в Дублине наступает обычно раньше, чем администрация готова это признать. Я распахиваю окно, и в комнату врывается запах мокрых листьев, торфа и далёкого моря, которого я не видела много лет. Я вздрагиваю, когда на подоконник резко садится крупный ворон с перьями цвета мокрого асфальта. Он смотрит на меня, чуть склонив голову набок.

— Что? — усмехаюсь я вслух. — Тоже хочешь посмотреть на церемонию?

Ворон молчит и не отводит от меня своих чёрных глаз. На мгновение мне кажется, что в его клюве что-то блестит, но как только я протягиваю к нему руку, он вдруг срывается вниз и уносится в серое небо так легко, будто сам воздух уступает ему дорогу. Я провожаю его взглядом. В каждом взмахе читается то, чего у меня нет и ещё долго не будет. Закрываю окно и медленно выдыхаю. Пора.

Платье оказывается именно таким, как я ожидала: дорогой шёлк цвета топлёных сливок, строгий крой: никаких

кружев, никакой вышивки. Униформа невесты без жениха, выпускницы без диплома. Я долго вожусь с пуговицами на спине, но в итоге сдаюсь и вызываю мадам Кросс.

Она приходит ровно через семь минут — я засекаю это по старым часам на каминной полке. Мадам Кросс всегда точна, как приговор.

— Дыши, — говорит она, застёгивая пуговицы. Пальцы у неё сухие и прохладные, как бумага. — Ты очень бледная.

— Я спокойна.

— Я сказала «дыши», а не «оправдывайся».

Я послушно вдыхаю. В комнате пахнет её духами — ландыш и что-то медицинское. Мадам Кросс носит духи с двадцати четырёх, с тех пор как её собственная карьера Музы закончилась, и она перешла в кураторы. Говорят, её Бенефициар умер через три года после контракта. Говорят, она сама его убила. Говорят, она до сих пор носит траур. В Академии много что говорят, но правду знает только сама Кросс. Ну, и Совет, конечно. Совет знает всё.

— Ты волнуешься, — произносит она, разглаживая складку на моём плече. — Это нормально.

— Почему? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Разве не к этому дню нас готовят всю жизнь? Разница лишь в том, что все кроме меня знали своих Бенефициаров заранее? Совет сомневался в моем потенциале?

Мадам Кросс обходит меня и встаёт перед зеркалом. Теперь я вижу нас обеих в отражении: высокая седая женщи-

на в сером костюме, с безупречной осанкой, и я — моложе, ниже, в изящном платье, с белоснежными волосами, убранными в низкий пучок. Дочь, которой у неё никогда не было. Продукт, который она создала.

— Нет, Анна, мы в тебе не сомневались. Просто искали для тебя подходящего Бенефициара. Не просто богатого и влиятельного, а достойного тебя.

Она поворачивает меня к себе и берёт за подбородок. Жест кажется почти материнским, если не знать мадам Кросс.

— И мы нашли.

Я сглатываю. Это всё, что я хотела услышать последние десять лет, пока смотрела, как других девочек вызывают в кабинет Совета и они возвращаются оттуда с испуганными глазами, но гордо вздёрнутой головой. «Мой Бенефициар — банкир», — шептались они. «А мой — судовладелец из Ливерпуля». А я сидела на кровати и делала вид, что читаю «Историю рода Бригит», и ждала, когда позовут меня. Но меня не звали.

— Его зовут Киллиан Доннелли, — продолжает мадам Кросс, и её голос почти неуловимо меняется. Словно она находит это имя чуть горьковатым.

— Сколько ему лет?

— Двадцать девять, — её губы трогает странная улыбка, и я непроизвольно улыбаюсь в ответ. Я мечтала, чтобы выбранный для меня человек оказался молод. Мечтала не про-

сто о контракте и статусе приносящей удачу спутницы, но и о любви.

— Он наследник «Доннелли Индастриз», — продолжает мадам Кросс, словно зачитывая досье. — Архитектурная реставрация, кузнечное ремесло, недвижимость. Состояние почти два с половиной миллиарда евро.

Я киваю, хотя и не понимаю, зачем она перечисляет цифры. Меня не учили интересоваться деньгами.

— Он не женат, связей не афиширует. Живёт один. Совет директоров его компании три года убеждал его заключить контракт с Музой, но он отказывался.

— Почему?

— Потому что ему всё равно, — мадам Кросс поправляет мне причёску, и я чувствую, как шпилька впивается в кожу. — Род Доннелли проклят. Мужчины его крови не испытывают ни радости, ни гнева, ни страха, ни желания. В прессе его называют Каменным Лордом. Говорят, он ни разу за всю жизнь не улыбнулся.

Я хмурюсь и пытаюсь представить человека, который ни разу не улыбался. Картинка выходит пугающей и одновременно печальной. Я знаю, что чувствовать не положено — это непрофессионально. Но что-то внутри меня — та часть, которую не смогли выдрессировать за пятнадцать лет, — всё же сжимается от жалости.

— Для тебя это даже хорошо, — продолжает мадам Кросс. — Он не будет лезть в душу, требовать теплоты или заботы.

Не будет привязываться. Отработаешь десять лет и выйдешь на покой, как Гвинет. Ты ведь помнишь Гвинет?

Гвинет. Идеальная выпускница, лицо Академии на всех проспектах. Я видела её однажды, когда она приезжала к нам на торжественный обед. Ей сорок пять, но выглядит она моложе. Безупречная кожа, безупречная улыбка и безупречная жизнь. Все девочки с самого детства мечтают быть как Гвинет.

Я прикусываю губу. Десять лет быть рядом, вдыхать его запах, приносить ему удачу, видеть, как расцветает его дело, но не иметь права привязываться. Потому что наша кровь даёт процветание, а не любовь.

— Я не подведу, — говорю я, и голос звучит ровнее, чем я ожидала.

— Знаю, — отвечает мадам Кросс. — Ты наша лучшая работа, Анна.

Машина уже ждёт меня у ворот. Чёрный «Бентли» с шофёром, который смотрит сквозь меня, пока я усаживаюсь на заднее сиденье. Салон пахнет кожей и чем-то цитрусовым. Я касаюсь ладонью прохладной обивки и думаю о том, что пятнадцать лет не сидела на заднем сиденье автомобиля. Столько же не покидала территорию Академии, если не считать учебных выездов, когда были всегда по расписанию.

Автомобиль трогается, и академия остаётся позади: белое здание с колоннами, увитое плющом, окружённое старыми

дубами и высокой стеной. «Институт Развития Потенциала». Для девочек, которые здесь учатся, это место стало домом. Для их родителей — гарантией безбедного будущего.

Я помню, как меня привезли сюда, когда мне было чуть больше пяти. Мать умерла при родах, во всяком случае, так мне сказали. Отец? Отец подписал контракт и исчез. Это обычная практика: потенциал Музы закрепляют за Бенефициаром заранее, чтобы в двадцать один год, когда проснётся кровь, она без колебаний вошла в его дом как компаньонка, приносящая процветание. Не любовница, не жена. Удача. И больше ничего. Тётя Мэйв, мамина сестра, пыталась меня навещать первые пару лет, и даже присылала письма и подарки на Рождество. Но потом письма перестали приходить. Мне сказали, что она уехала за границу. Я не проверяла.

Машина выезжает на трассу, и я смотрю в окно. Осенний Дублин: серое небо, мокрый асфальт, дома цвета имбирного печенья вдоль канала. Город, в котором я родилась и которого почти не знаю. Мои познания о мире за пределами Академии основываются на учебниках, журналах и обрывочных разговорах с кураторами. Я усмехаюсь. Это так странно, знать, как вести беседу о современном искусстве, но понятия не иметь, как заказать кофе в обычном кафе.

Особняк Доннелли неожиданно появляется за поворотом в конце тихой улицы, обсаженной платанами. Георгианский стиль, красный кирпич, увитый диким виноградом фасад. Тяжёлые дубовые двери с коваными петлями. Над дверью

возвышается герб: молот и ворон. Я смотрю на ворона и вспоминаю птицу на подоконнике. Просто совпадение.

Шофёр выверенным жестом открывает дверь. Я выхожу, и холодный воздух обжигает щёки. С моря дует ветер, и длинная юбка платья хлещет по ногам. Я поправляю её, задерживаю на мгновение дыхание и неспешно иду к двери. Какой будет моя жизнь следующие десять лет?

В холле меня встречает невысокий мужчина средних лет и, приветственно кивнув, проводит в гостевую комнату. Здесь пахнет воском, старым деревом и металлом. Где-то далеко, в глубине дома, слышны ритмичные удары. Кузница, догадываюсь я. Неужели, он работает в день церемонии? От этой мысли мне почему-то становится неловко.

Мне положено ждать, сложив руки на коленях, как учили. Я сажусь на краешек кресла, расправляю платье и машинально выпрямляюсь. Интересно, какой он, Киллиан Доннелли? Пытаюсь угадать черты по тем скупым описаниям, что дала мадам Кросс. Высокий, широкоплечий, тёмные волосы. И ни следа улыбки или других понятных мне эмоций. Меня пробирает мелкая дрожь, оставляющая после себя тревогу.

Через двадцать минут меня приглашают.

Зал для церемоний представляет собой небольшую комнату с высокими окнами, выходящими в сад. Дубовый паркет, камин, в котором горит настоящий огонь, и это единственный источник тепла в промозгом октябрьском воздухе. Вдоль стен стоят несколько человек: пожилые мужчины в

тёмных костюмах (видимо Совет), двое юристов с одинаковыми портфелями, мадам Кросс с ледяной улыбкой.

Киллиан стоит у окна спиной ко мне. Высокий, как и говорили. Плечи широкие, талия узкая, костюм сидит идеально — явно ручная работа. Тёмные волосы чуть тронуты сединой на висках, хотя ему нет и тридцати. Он не оборачивается, когда я вхожу, и я успеваю заметить, как напряжены его плечи под тканью пиджака.

— Леди и джентльмены, — произносит представитель Совета, седой мужчина с бабочкой. — Прошу вас.

Я подхожу к столу, и Киллиан наконец оборачивается.

Его глаза серые, как зимнее море. Черты лица резкие, будто высеченные из камня — тот самый молот, что до сих пор стучит где-то в глубине дома, кажется, поработал и над его лицом. Скулы, челюсть, линия носа — всё завершённое и словно лишённое даже намёка на мягкость. Он смотрит на меня, и я чувствую, как его взгляд скользит по платью, по лицу, по рукам, сложенным в идеальном жесте. Нет, он не оценивает. Скорее, фиксирует. Как будто я ещё один предмет в этой комнате, который ему предъявили по описи.

— Господин Доннелли, — говорит представитель. — Представляю Вам Мисс О'Шейр.

Он коротко кивает.

— Прошу ваши руки, — продолжает мужчина.

Я протягиваю ладонь и наши с Киллианом пальцы ложатся на пергамент. Горячая волна пробегает от ладони до лок-

тя. Я чувствую, как внутри что-то откликается и словно разливается теплом по всему телу. Не боль, скорее... узнавание. Как будто я дотронулась до оголённого провода и вместо удара током получила свет.

Я поднимаю глаза. Киллиан Доннелли смотрит на меня не мигая. Его лицо меняется. На один вдох лёд в серых глазах даёт трещину. Что-то мелькает в их глубине, но я не успеваю понять, что именно. Он отдёргивает руку так резко, словно его пальцы наткнулись на что-то острое.

— Контракт заключён, — провозглашает представитель, не заметивший ничего. — Да начнётся процветание.

Гости сдержанно аплодируют, юристы собирают бумаги. Мадам Кросс улыбается мне через весь зал, и в этой улыбке я вижу её личный триумф. Киллиан Доннелли задерживает на мне взгляд еще на секунду, а затем снова резко отворачивается к окну. Я прижимаю ладонь к груди. Сердце колотится, тепло не уходит. Оно остаётся где-то под рёбрами, как маленький уголёк, который не гаснет.

Вечером меня привозят в пентхаус.

«Доннелли-тауэр» — стеклянная башня над заливом, верхний этаж, панорамные окна от пола до потолка. Мои комнаты — спальня, гардеробная, ванная, студия для живописи — больше, чем весь этаж, где я жила в Академии. В гардеробной висит одежда моего размера, моих цветов, моего стиля.

- Господин Доннелли распорядился, - говорит экономка,

и оставляет меня одну.

Я медленно подхожу к окну. Город внизу, расчерченный огнями, живой и чужой. Море на горизонте — тёмная полоса, сливающаяся с небом. Где-то там, за заливом, Академия. Отсюда она кажется крошечной, почти игрушечной.

Я достаю альбом, угольный карандаш. Сажусь на подоконник, поджав ноги, и начинаю рисовать.

Резкие скулы, твёрдая челюсть, серые глаза. Тёмные волосы с сединой на висках. Я рисую быстро, как будто боюсь, что образ ускользнёт, и когда заканчиваю, с портрета на меня смотрит Киллиан Доннелли. Не тот, что стоял у окна спиной к залу, а тот, что мелькнул на секунду при касании. Это глупо, Анна. И ужасно непрофессионально. Муза не должна привязываться к Бенефициару, она должна служить. Но портрет я не убираю.

В девять вечера меня приглашают на ужин. Огромный зал, человек на двадцать, но приборы стоят только с двух концов длинного дубового стола. Киллиан уже там — в тёмном свитере вместо пиджака, с планшетом в руке. Когда я вхожу, он откладывает планшет и встаёт.

— Добрый вечер, — говорит он. Голос низкий, ровный.

— Добрый вечер.

Я сажусь. Подают крем-суп из пастернака, я узнаю запах ещё до того, как тарелка касается стола. В Академии нам преподавали гастрономию: Муза должна разбираться в еде,

чтобы поддерживать беседу за ужином, но не прикасаться к ней, если Бенефициар не пригласит. Он берёт ложку, и я следую его примеру. Несколько минут мы едим молча.

— Вам удобно? — спрашивает он наконец.

— Да, спасибо.

— В студии достаточно красок? Мне сказали, вы предпочитаете масло.

Я поднимаю глаза. Неужели, он запомнил? Или ему доложили. Второе вероятнее.

— Да, всё прекрасно.

Пауза затягивается, и я чуть заметно ёрзаю на стуле. Я смотрю на Киллиана сквозь пламя свечи, разделяющей нас. Тени пляшут по его лицу, и на секунду мне кажется, что я вижу кого-то другого.

— Можно спросить? — говорю я, прикусывая губу.

Он откладывает ложку.

— Спрашивайте.

— Почему вы согласились на контракт?

Он молчит так долго, что я успеваю пожалеть о вопросе.

— Совет директоров настоял, — говорит он наконец. — Я не видел причин отказываться.

— Вы не верите в удачу.

— Нет.

— А во что вы верите?

Впервые за вечер он смотрит на меня не скольльзящим взглядом, а в упор, и я чувствую, как у меня перехватывает

дыхание.

— В металл, — говорит он. — И в обязательства.

Пауза. Свеча потрескивает.

— Вы наверняка знаете, что я ничего не чувствую, мисс О'Шейр, — его голос по-прежнему ровен, но в нём появляется что-то новое. Не интонация, а скорее её отсутствие становится осмысленным. — По крайней мере, так было до сегодняшнего дня.

Я замираю.

— Что случилось сегодня?

— Спокойной ночи, мисс О'Шейр.

Он встаёт и быстрым шагом покидает зал. Я остаюсь одна за длинным столом. Суп остыл, свеча почти догорела. Сердце колотится где-то в горле. «Так было до сегодняшнего дня». Что это значит? Что изменилось? Это же моя работа. Приносить процветание. Может быть, процветание — это не только деньги, но ещё и способность чувствовать. Но тогда почему мне так тревожно?

Я возвращаюсь в свою комнату. Закрываю дверь и приклоняюсь к ней спиной, пытаюсь унять сердцебиение. Я подхожу к окну, кладу ладонь на холодное стекло и замираю.

На карнизе, с внешней стороны, лежит кольцо. Тонкое, золотое, блестящее в свете городских огней. То самое, что я видела утром на подоконнике в Академии. Или другое? Как оно здесь оказалось? Шестой этаж, внешний карниз, ника-

ких выступов. Его не могло сюда занести ветром.

Я открываю окно. В комнату врывается холодный ветер, пахнувший морем, водорослями и чем-то древним, как камень, как земля после дождя. Я протягиваю руку и беру кольцо. Металл тёплый, хотя должен быть ледяным на октябрьском ветру. Я подношу его к свету.

Внутри, по ободку, тянется надпись. Древнеирландский. Я узнаю буквы — нас учили читать на языке предков, на языке ритуалов, на языке, на котором Бригит говорила со своими дочерьми. Я разбираю слова медленно, по слогам:

«Тому, кто полюбит седьмому»

И всё. Только эта фраза, выгравированная на внутренней стороне кольца, которое не должно было здесь оказаться.

Я поднимаю глаза к окну. На карнизе сидит ворон. Крупный, чёрный, с перьями цвета мокрого асфальта... Тот самый, что был утром? Я не знаю, что это значит. Не знаю, какая связь между вороном на подоконнике в Академии и этим пентхаусом, между фразой на древнем языке и человеком, который сегодня впервые за тридцать лет возможно что-то почувствовал.

Я сжимаю кольцо в кулаке - металл всё ещё тёплый. Где-то вдалеке, в глубине здания, снова слышен звон молота. Ритмичный, ровный, как сердцебиение. Как будто он куёт что-то. Как будто он не может остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.